

А. В. ПЕТРОВСКИЙ

ОТ ПОСТУПКА
К ХАРАКТЕРУ

Кандидат педагогических наук

А. В. ПЕТРОВСКИЙ

ОТ ПОСТУПКА К ХАРАКТЕРУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО

«ЗНАНИЕ»

Всесоюзного

общества

по распространению

политических

и научных

знаний

Москва 1963

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Фундамент характера	4
Мотивы поступков	12
Силой воли	19
О темпераменте	25
В результате воспитания	27

<p style="text-align: center;">Автор</p> <p>Артур Владимирович Петровский</p>	<p style="text-align: center;">Редактор О. Г. Свердлова</p> <p>Техн. редактор Л. Е. Атрощенко</p> <p>Корректор Н. М. Краснопольская</p> <p>Обложка Ник. Попова</p>
--	--

Сдано в набор 7/І 1963 г.	Подписано к печати 13/ІІ 1963 г.	Изд. № 60.
Формат бум. 60×90 ¹ / ₁₆	Бум. л. 1,0 Печ. л. 2,0	Уч.-изд. л. 1,94.
А 04003.	Цена 6 коп. Тираж 88 000 экз.	Заказ № 63.

Издательство «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Типография изд-ва «Знание». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.

Видели вы когда-нибудь молодого человека, который признался бы вслух, разумеется, что у него слабая воля? Я лично такого не встречал. И здесь дело не в слабом развитии чувства самокритичности. Иной юноша позволит себе пожаловаться на плохую память, на рассеянность внимания, вздохнет, что нет у него каких-либо полезных привычек, но редко кто признается в слабости. Такое признание было бы слишком тяжелым. Кто не знает, что о слабавольном человеке презрительно говорят: трус, тряпка? Кому легко сознаться в малодушии? С детства, со времен отроческих увлечений у нас складывается презрение к трусости и малодушию. Память и сейчас подсказывает мне строчки из «Беглеца»:

Черкесы гибнут — враг повсюду...
Прими меня, мой старый друг,
И вот пророк! Твоих услуг
Я до могилы не забуду!..
И умирающий в ответ:
«Ступай — достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!..»
Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог.

Имея дело со школьниками юношеского возраста, не приходится доказывать вред и опасность слабости и слабости характера. Для них это аксиома.

Не потому ли таким неизменным успехом у школьников пользуются диспуты на тему «Воля и характер». Конечно, они очень хотят знать, как в кратчайший срок и ценой наименьших затрат и усилий приобрести твердый характер и негибкую волю. По-видимому, они смутно понимают, что столь импонирующие им смелые, находчивые и неустрашимые герои книжек из библиотечки военных приключений не

сразу стали такими отважными и решительными. Но так как в этих книжках процесс формирования волевой личности остается, как правило, за рамками сюжета, то школьники не столь озабочены вопросом о том, какими качествами должен обладать смелый и мужественный человек, сколько стремятся выяснить, как можно приобрести эти качества.

И здесь им на помощь приходит педагог, который не только очерчивает круг волевых качеств, показывая молодежи, что это едва ли не самые завидные качества личности, но прежде всего раскрывает их внутреннюю связь с важнейшими моральными принципами, закрепленными в нашем моральном кодексе, подсказывает, как следует организовать развитие и самовоспитание воли, какие приемы при этом оказываются наиболее эффективными, а какие бьют мимо цели и не приносят ощутимой пользы, разъясняет, каковы психологические механизмы волевого поведения человека. В развитии волевых черт характера молодого человека не последнюю роль играет пример педагога, а также его умение создавать условия, в которых молодежи легче всего закалить и проявить волю и характер.

ФУНДАМЕНТ ХАРАКТЕРА

Несколько лет назад на конференции психологов в Ленинграде один из ее участников, Тимофей Иванович Агафонов, вдумчивый и опытный педагог, заинтересовал нас всех рассказом об естественном эксперименте, с помощью которого он предпринял изучение особенностей волевого поведения учащихся. Надо сказать, что исследование воли и характера в эксперименте представляет значительную трудность, однако Агафонов нашел остроумный способ создания естественной обстановки, делающей незаметным присутствие экспериментатора.

Эксперимент производился в детском доме, расположенном в сельской местности. Воспитанники в порядке самообслуживания должны были каждый день в зимнее время заносить в дом дрова для топки. Дрова были двух сортов: сухие березовые дрова находились в сарайчике на склоне оврага, а сыроватые осиновые были сложены в поленицу где-то неподалеку от дома. Надо сказать, что овраг был темный и о нем ходили всякие страшные рассказы (большей частью фантастические). И вот перед каждым дежурным по вечерам возникала дилемма: куда идти за дровами? К поленице, чтобы мучиться потом с растопкой? Или, преодолев страх, в овраг? Экспериментатор имел возможность незаметно наблюдать за тем, как иной паренек, закрыв за собой дверь дома, минуту-другую топчется на снегу, а потом, махнув рукой — эх, была не была — исчезнет в овраге.

После того как была выяснена привычная линия поведения испытуемых, экспериментатор провел беседу с воспитанниками на тему о развитии воли, о смелости, решительности, причем особо подчеркнул роль волевого поступка, значение преодоления трудностей, подавления страха, боязливости и т. д. Результат превзошел все ожидания. Какой-нибудь «любитель» осиновых дров теперь без малейшей задержки шагнул к оврагу, напевая для храбрости и всем своим видом показывая самому себе, что не страшится ни бога, ни черта. Так было со многими. И уже была забыта беседа, прошло немало времени, а в печках детдома горели березовые и только березовые дрова...

«Посей поступок, — поженешь привычку, посей привычку — поженешь характер, посей характер — поженешь судьбу», — так учит восточная поговорка.

Она делает акцент на человеческих поступках, которые, повторяясь, становятся привычными, закрепляются в чертах характера, составляя его существо, влияя на положение человека в общественной жизни и на отношение к нему со стороны других людей. Система привычных действий и поступков человека — фундамент его характера. Сам факт его существования дает возможность другому человеку предвидеть, как поведет себя интересующий его субъект в той или иной ситуации. Таким образом, в характере человека, если можно так выразиться, заложена как бы программа типичного его поведения в типичных обстоятельствах. О моем знакомом я могу сказать: «Зная его характер, я уверен, что он не сдержится, наговорит много лишнего, возможно будет груб, резок и даже несправедлив, а потом будет жалеть о случившемся, ходить в покаянном настроении и в конце концов сделает все возможное, чтобы загладить свою вину перед человеком, которому нагрубил». Зная его характер... Это значит, зная привычную для этого человека, типичную для него систему поступков.

В. И. Ленин оставил нам поразительные образцы проникновения в сущность индивидуального характера и предвидения на этой основе общей линии поведения человека. От анализа поступков к синтезу их в характере, в психологическом облике личности и от понятого характера к уже предвиденным и уже ожидаемым поступкам — такова диалектика характерологических замечаний Ленина.

Произведения В. И. Ленина сохранили для нас десятки лаконичных, метких характеристик: болтунов, к которым Ильич был особенно беспощаден; фантазеров маниловского типа; карьеристов, у которых, как он замечал, нет никаких идей, нет никакой честности; и многих других. Глубокое возмущение у Ленина вызывала такая черта характера человека, как лень. Он гневно клеймил это проявление душевной

дряблости. «Был такой тип русской жизни — Обломов. Он все лежал на кровати и составлял планы. С тех пор прошло много времени. Россия проделала три революции, а все же Обломовы остались, так как Обломов был не только помещик, а и крестьянин, и не только крестьянин, а и интеллигент, и не только интеллигент, а и рабочий и коммунист. Достаточно посмотреть на нас, как мы заседаем, как мы работаем в комиссиях, чтобы сказать, что *старый Обломов остался и надо его долго мыть, чистить, трепать и драть, чтобы какой-нибудь толк вышел*»¹.

Человек по самому своему существу деятелен. В структуру человеческой деятельности входят как различные произвольные, автоматизированные движения (мимика, пантомимика, походка и т. д.), так и преднамеренные действия, большей или меньшей степени сложности. Движение и действия, выполнение которых становится в определенных условиях потребностью для человека, называются привычками. Они-то и представляют наибольший интерес для выявления особенностей характера. Самый удачный портрет не дает столько сведений о характере человека, как его привычные действия и движения. Наблюдая привычные движения и действия человека, мы выясняем многое в его характере.

Немалую помощь в распознавании особенностей характера играет походка. Такой превосходный психолог, каким был Оноре Бальзак, придавал исключительное значение изучению походки человека, этой, по его словам, «физиономии нашего тела». Им был даже написан специальный трактат «Теория походки», к сожалению, не переведенный на русский язык.

Не только походка, но и в известных обстоятельствах произвольные движения рук выступают как характерологический признак. Вспоминается великолепный психологический этюд Стефана Цвейга, посвященный рукам игроков: «Все можно узнать по этим рукам, по тому, как они ждут, как они хватают, медлят: корыстолюбца — по скрюченным пальцам, расточителя — по небрежному жесту, расчетливого — по спокойным движениям кисти, отчаявшегося — по дрожащим пальцам; сотни характеров молниеносно выдают себя манерой, с какой берут в руки деньги: комкают их, нервно теребят или в изнеможении, устало разжав пальцы, оставляют на столе, пропуская игру. Человек выдает себя в игре — это прописная истина, я знаю. Но еще больше выдает его собственная рука. Потому что все или почти все игроки умеют управлять своим лицом, — над белым воротничком виднеется только холодная маска (бесстрастия), они разглаживают складки у рта, стискивают зубы, глаза их скрывают тревогу; они укрощают дергающиеся мускулы лица и придают ему притворное выраже-

---

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 33, стр. 197, изд. 4-е.

ние равнодушия. Но именно потому, что они изо всех сил стараются управлять своим лицом, которое прежде всего бросается в глаза, они забывают о руках, забывают о том, что есть люди, которые, наблюдая за их руками, угадывают по ним все то, что хотят скрыть наигранная улыбка и напускное спокойствие. А между тем руки бесстыдно выдают самое сокровенное, ибо неизбежно наступает момент, когда с трудом усмиренные, словно дремлющие пальцы теряют власть над собой: в тот краткий момент, когда шарик рулетки падает в ячейку и крупье выкрикивает номер, каждая из сотни или даже сотен рук невольно делает свое особое, одной ей присущее инстинктивное движение»¹.

Походку, как и жестикуляцию, нелегко описать, тем более трудно как-то систематизировать эти описания и установить точные признаки того или иного характера по этим неуловимым, меняющимся, зыбким показателям. То, что вполне приемлемо для беллетриста, явно недостаточно для науки. Короче, для того чтобы создать какую-то классификацию жестов и произвольных движений, а следовательно, и некую систему характерологических показателей, надо было бы остановить жест, сделать его точную копию. Это дало бы возможность сличить его с жестами других людей, найти сходное и различное, систематизировать свои наблюдения.

На первый взгляд, это невозможно, разве что при помощи киноаппарата. Но еще за несколько сотен лет до изобретения киноаппарата стало ясно, что способ фиксации жеста — почерк человека. В самом деле, почерк — это записанный жест, надолго сохраненный бумагой. В XVII веке возникает «графология» (от греческого слова «графо» — пишу), которая использует изучение почерка для определения характера и способностей человека. Первое графологическое сочинение так и называлось «О способах узнавания образа жизни, характера и личных качеств человека по его письму».

Общий характер почерка, рассуждали графологи, есть нечто иное, как отражение общего характера движения. А движения кладут свой отпечаток и на почерк. Привычка к известному роду движений выражается у всех людей в постоянных и одинаковых движениях пера. При широких движениях наблюдаются крупные буквы. В противоположность этому мелкие, робкие и подавленные движения выражаются в мелких буквах. Сухие и резкие движения дают угловатый почерк, а гибкие и грациозные — размашистый и округленный.

Имея возможность обобщить и систематизировать различные типы почерка на основании особенностей нажимов, связности букв, наклона их, росчерка и т. п., графолог делал за-

---

¹ С. Цвейг. Новеллы. М., 1960, стр. 332—333.

ключение об индивидуальности человека, о его характере и — нередко — далеко идущие прогнозы его будущего, заключал о способностях его и талантах.

Вот типичная система «доказательств», взятая из одного графологического сочинения. «Посмотрите на жесты здорового, сильного и энергичного человека, и вы увидите, что они точны, отчетливы и размерены. Таков же его почерк: он направлен по прямой линии от одного края страницы до другого. Следовательно, — заключает графолог, — ровный, идущий по горизонтальной линии почерк указывает на силу характера, самообладание, моральное равновесие, непоколебимую волю. Посмотрите теперь на человека с живым воображением, веселого и полного надежд, все его движения стремятся вверх. Почерк его будет восходящим, как бы передающим его надежды, желания и стремления его ума и сердца».

И далее графолог сообщает, что близко стоящие буквы указывают на скупость, а очень удаленные друг от друга — на «щедрость и широту натуры». Буквы одного и того же слова, не соединенные между собой, характеризуют мечтателей и людей, у которых преобладают чувства, а связанные между собой буквы — людей аналитического ума, мыслящих логически. Таким путем создавалась целая система признаков почерка и соответствующих черт характера, к слову сказать, не во всем одинаковая у разных графологических «авторитетов».

На всех публичных лекциях о характере, которые мне приходилось читать, слушатели неизменно спрашивали: как же следует отнестись к графологическим данным и к графологии? Можно ли считать достоверным то, что утверждают графологи? Можно ли по почерку заключать о характере?

И да, и нет. Очевидно, нет оснований, что называется «с порога», отбрасывать графологические данные, считая всякое исследование почерка с характерологическими целями простым шарлатанством. Самая идея о том, что почерк человека находится в известном соответствии с индивидуальными особенностями человека и с его психологическим состоянием, не может быть признана неверной. Общие особенности двигательных реакций человека, а именно их интенсивность, степень координированности, аффективность (т. е. сопровождение переживаниями), несомненно, влияют на почерк, отражаются на величине и форме букв, направлении строчек, связности отдельных элементов в буквах и самих букв в словах и т. д.

Очень выразительны в этом отношении росчерки. Вычурная подпись с всяческими завитушками и петлями в росчерке сплошь и рядом принадлежит человеку самоуверенному, тщеславному и нескромному — так во всяком случае на основании многочисленных наблюдений утверждают графологи, и, пожалуй, с ними можно в этом согласиться. Иногда чрезмер-

но вычурный почерк выступает как один из диагностических признаков психического заболевания, сопровождающегося «манией величия».

И все-таки притязания графологов на определение характера исключительно и непосредственно по почерку в научном отношении являются беспочвенными и крайне сомнительными. Быть может, какие-то удачные и бесспорные случаи определения характера по письму имели место, но трудно сказать, какую роль здесь сыграла догадка, случайность, а какую графологический анализ. Графологи допускают ошибку, предполагая, что между той или иной конфигурацией написанной буквы и соответствующей чертой характера существует, что называется, однозначная связь. Та или иная особенность почерка может вызываться не одной, а разными причинами.

Так, например, почти все графологи считают, что несвязанность букв в слове свидетельствует о мечтательности, художественной одаренности, повышенной эмоциональности и т. д. Мне хорошо известен один человек, у которого наблюдается именно та самая особенность почерка, о которой сказано выше: каждая буква в слове пишется им отдельно. И что же, это художественная натура? Мечтатель? Поэт? Нет, дело объясняется куда более прозаически. Я случайно узнал, что он в молодости довольно долго, работая в книгохранилище, дублировал библиотечные карточки. А для этой цели используется так называемый «библиотечный почерк», где каждую букву требуется писать отдельно. И вот — как отголосок этой давней работы — не связанные между собой буквы в слове. Возьмись кто-нибудь за определение его характера и наклонностей по почерку — и ошибка гарантирована.

Зыбкая почва графологии издавна благоприятствовала произрастанию различных коммерческих предприятий. Причем, графологи-профессионалы восполняли слабость своих «научных» систем незаурядной наблюдательностью и отсутствием излишней щепетильности. В одном из юмористических рассказов Ильфа и Петрова рассказывается о том, как глава крупного учреждения, озабоченный вопросом о характере и способностях своих подчиненных, решил обратиться к графологу. Графолог Кошкин-Эриванский с успехом определил его характер, увидев написанную им начальственную резолюцию: «Тов. Кошк.-Эриванскому. На заключение». В характеристике, составленной графологом, говорилось: «Вы несомненно заведуете отделом, а вернее всего являетесь главой большого учреждения. Особенности вашего почерка позволяют заключить, что вы обладаете блестящими организаторскими способностями и ведете ваше учреждение по пути процветания. Вам предстоит огромная будущность».

Почерк, походка, жестикуляция, как и выражение лица, мимика, манера одеваться, привычные интонации голоса —

все это лишь в совокупности наблюдаемых особенностей дает представление о чертах характера. Не случайно писатели уделяют столько внимания описанию внешности персонажа художественного произведения. Часто описанием одежды, предметов, составляющих привычное окружение, походки предваряется и вместе с тем начинается психологическая характеристика личности. Вспомним чеховского «Человека в футляре»: калоши, зонт, чехлы и чехольчики, темные очки и вата в ушах Беликова — все это материализованные, овеянные приметы характера. Для того чтобы подметить что-то в личности человека, надо внимательнейшим образом изучить все эти внешние выразительные особенности, учесть их и сделать на основе этого некоторые заключения.

И все-таки последние, решающие, объективные и неопровержимые данные о характере человека дают не эти произвольные действия и движения человека и не черты его внешнего облика, а его сознательные и преднамеренные действия и поступки. Именно по поступкам судим мы о том, что представляет собой человек.

Если бы Чехов ограничился описанием внешности Беликова и не показал, что и мысль свою Беликов «также старался запрятать в футляр», если бы он не показал, как он угнетал всех своей осторожностью и чисто «футлярными соображениями»: «Ах, как бы чего не вышло», — если бы, наконец, он не поведал о фискальных выходках Беликова, то никак еще нельзя было бы определить, хороший или плохой человек Беликов; только лишь пассивно-осторожный или эта осторожность является оборотной стороной активной подлости.

Часто внешний облик может ввести в заблуждение человека. Чарльз Диккенс в «Крошке Доррит» в свойственной ему гротескной манере рисует две во всем противоположные физиономии: мистера Кэсби — «последнего из патриархов», и его служащего Панкса. Вот мистер Кэсби: «Его гладкое лицо своей свежестью напоминало персик. От того, что лицо было таким свежим, глаза такими ясными, голова такой величественной, казалось, что он изрекает необыкновенно мудрые и добродетельные мысли. При этом выражение лица у него было самое благодетное. Никто не мог сказать, где и в чем заключена его мудрость, добродетель и благодетность, но весь он был словно овеян этими качествами. К мистеру Кэсби часто подходили на улице с покорнейшей просьбой послужить моделью для картины или статуи, изображающей патриарха». А вот Панкс: «Он был одет в черное и в серое как бы с налетом ржавчины, его маленькие черные глаза напоминали агатовые бусины, короткий подбородок покрыт двухдневной черной щетиной, жесткие черные волосы торчали, как зубья вилки или кусок проволоки; лицо отличалось необыкновенной смуглотой, то ли искусственной — от грязи, то ли природной;

а может быть здесь действовало сочетание природы и искусства».

Казалось бы, все ясно, и психолог обязан нарисовать радужными красками личность мистера Кэсби и черными — мистера Панкса. Но все наоборот. Седовласый и благостный Кристофер Кэсби оказывается тупым и себялюбивым ничтожеством, хитрым обманщиком, и под сияющими выпуклостями «такой головы» кроются весьма неблагоприятные замыслы. Слушающий же его Панкс, которого он нещадно эксплуатирует, оказывается добрым и честным малым.

Поступки человека — зеркало его характера. В какие бы одежды ни рядился человек, какие бы позы ни принимал, какую бы манеру поведения ни усваивал, — поступки его в конечном счете обнаружат, что он собой представляет, какой у него на самом деле характер.

В. И. Ленин учил нас судить о людях не по тому блестящему мундиру, который они сами себе надели, не по той эффектной кличке, которую они сами себе взяли, а по тому, как они поступают и что они на самом деле пропагандируют. Он говорил о том, что о человеке судят не по тому, что он о себе говорит или думает, а по тому, что он делает.

Наступление советской молодежи на целину, которое требовало напряжения всех сил человеческой природы, явилось не только лучшей школой закалки характера, но и своего рода лакмусовой бумажкой для выявления его подлинных черт.

Выпускники одной из столичных школ сговорились отправиться в Казахстан всем классом. Разные были люди в классе. Были среди них активисты-общественники, были и такие, кто всегда сторонился общественной работы, были отличники и перебивающиеся с двойки на тройку, были тихони, были и задиры. Целина все перетасовала заново. Год работы, год преодоления трудностей, и не маленьких, обнаружил, что представляет собой каждый. Нельзя сказать, чтобы прежние характеристики целиком и полностью оказались ошибочными, но многие из них пришлось, что называется, переписать заново.

И так бывает в жизни буквально на каждом шагу. Стоит внимательно приглядеться к поступкам человека, и вы получите точную и содержательную информацию о его характере.

Не всякое действие человека может быть названо поступком в полном смысле этого слова. Ученик поднимает руку, чтобы ответить на уроке по математике. Лишь с большой натяжкой можно назвать это действие поступком. Поднять руку, чтобы выступить с критикой в адрес друга, — поступок смелый и принципиальный.

Поступок это действие, которое получает или должно, или может получить серьезную общественную оценку. Это действие, которое получает принципиальное обоснование, пусть

иногда и не сразу осознаваемое. Поступок это действие, сопряженное зачастую с преодолением внутренних трудностей. Поступок это действие, в котором сполна и сразу проявляется характер человека, его глубинная, интимная сущность.

В повседневной жизни мы постоянно сталкиваемся с поступками людей и они, эти поступки, хорошие или плохие, мужественные или робкие, благородные или низкие — являются наиболее верными показателями, по которым следует судить о характере людей. Поведение, писал Гёте, это зеркало, в котором каждый показывает свой лик.

Посмотрите, какие поступки для человека являются привычными, и вы не ошибетесь в своих выводах. Не физиономия, не походка, не почерк, а система привычных поступков человека — вот то главное, что обнажает фундамент человеческого характера, а все остальные показатели лишь дополняют, уточняют и дорисовывают его облик.

МОТИВЫ ПОСТУПКОВ

Рассматривая поведение человека, анализируя высоко-нравственный или, наоборот, аморальный поступок, мы всегда должны стремиться добраться до причин или мотивов этих поступков, до их источника. Только в этом случае можно судить, случайны или закономерны те или иные поступки человека, предвидеть возможность их повторения, предотвратить одни и поощрить другие.

Марксизм-ленинизм учит, что нельзя останавливаться в объяснении действий и поступков человека на признании существования идеальных побудительных сил, а надо идти дальше, к их движущим причинам. Эти причины всегда лежат в условиях жизни человека, т. е. имеют материальный характер.

Результатом отражения мозгом человека определенных условий жизни и являются потребности личности.

Потребности людей многообразны. Чтобы ориентироваться в них, удобно различать потребности по двум признакам — по их происхождению и их объекту. По происхождению потребности могут быть естественными и культурными. В естественных потребностях отражается нужда человека в чем-то необходимом для сохранения и поддержания жизни, а также для продолжения рода. У человека естественные потребности носят общественно-исторический характер. Изменяются способы удовлетворения потребностей, посредством которых происходит удовлетворение потребностей и претерпевают изменения и сами потребности. В определенных общественных условиях на основе естественных потребностей формируются различные культурные потребности. Отчасти это то, что нужно

для удовлетворения какой-либо естественной потребности в условиях той или иной сложившейся исторической культуры. Отчасти же это потребности в том, что требуется для трудового и культурного общения с другими людьми, для общественной жизни.

По характеру объекта потребности могут быть материальными и духовными. В материальных потребностях отражается нужда человека в продуктах природы и предметах материальной культуры. Таким образом, не только естественные, но и многие культурные потребности могут быть отнесены к материальным. Духовные потребности являются отражением нужды в условиях, требующихся для умственного, нравственного и эстетического развития человека. Они коренятся в необходимости общения человека с другими людьми, в необходимости усвоения продуктов общественного сознания.

Как культурные потребности неразрывно связаны с естественными, так материальные связаны с духовными. Для удовлетворения духовных потребностей требуются вещи, книги, ноты, письменные принадлежности, радиоприемники и т. д. В историческом развитии человечества и в жизни отдельного человека потребности постоянно изменяются, развиваются, перестраиваются. «Сама удовлетворенная первая потребность, действие удовлетворения и уже приобретенное орудие удовлетворения ведут к новым потребностям, и это порождение новых потребностей является первым историческим актом»¹.

Возникновение и изменение потребностей зависит от развития производства. В различные исторические эпохи в соответствии с условиями материальной жизни общества изменяется характер удовлетворения потребностей. Изменяются и сами потребности.

«Голод есть голод, — пишет Маркс, — однако голод, который удовлетворяется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, который заставляет проглатывать сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов»². Производя предметы для удовлетворения потребностей, производство тем самым порождает и сами потребности, которые в свою очередь стимулируют развитие производства и выступают в качестве фактора развития человеческой практики. В письме к Штаркенбургу Энгельс писал, что потребность регулировать горные потоки в Италии явилась толчком для работ Торичелли по гидростатике. «Если у общества появляется техническая потребность, то она продвигает науку вперед больше, чем десяток университетов»³.

---

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 3, стр. 27.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1-е, т. XII, ч. I, стр. 182.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 1-е, т. XXIX, стр. 283.

В потребностях отражается нужда человека или общества, в котором он живет, в определенных условиях существования. Именно потребности побуждают человека действовать определенным образом и в определенном направлении.

Не всегда потребность отражает только индивидуальные запросы человека. В противном случае люди были бы лишь черствыми эгоистами, и мы не могли бы понять, что заставляет человека совершать благородные, самоотверженные или просто общественно полезные поступки. В потребностях человека отражаются требования коллектива, к которому он принадлежит. И поэтому личные потребности человека приобретают общественный характер.

Процесс превращения потребностей коллектива в потребность отдельной личности можно проиллюстрировать таким примером. Девушка, имеющая общественное поручение выступить с докладом, готовится порой к этому выступлению особенно тщательно не потому, что сама по себе подготовка является для нее делом более привлекательным по сравнению, к примеру, с посещением театра, а потому, что она испытывает настоятельную потребность выполнить требование коллектива. В том случае, если удовлетворение этой потребности связано с трудностями (нехватка времени, отсутствие нужных материалов), — возникает чувство досады, раздражения, неудовлетворенности, огорчения. Наоборот, если оно происходит успешно — появляется чувство удовлетворенности, радости и т. д. Итак, мотивы деятельности человека, основной источник человеческой активности — его многообразные потребности: естественные и культурные, материальные и духовные, узколичностные и общественные.

Хотелось бы обратить внимание на одну замечательную особенность потребности. Она обязательно включает в себя два, на первый взгляд, противоположных начала: некую «страдательность», «пассивность», зависимость от условий среды, и в то же время «активность», стремление изменить эти условия, действовать. На этом своеобразии природы потребностей пытаются спекулировать некоторые буржуазные психологи. Например, в последние годы в зарубежной науке получила распространение так называемая теория «фрустрации».

Согласно этой теории, человек может полноценно развиваться лишь в таких условиях, в которых он испытывает лишения и страдания, не имея возможности удовлетворить свои насущные потребности. Это, мол, «активизирует» человека, заставляет его предпринимать невероятные усилия, чтобы выйти из тяжелого положения и якобы развивает в нем высокие духовные качества. С точки зрения такой «теории» в нашей стране, где растущие материальные и духовные потребности человека находят все более полное удовлетворение, нет условий для всестороннего развития личности.

Для нас совершенно ясен реакционный политический смысл теории фрустрации — стремление всячески оправдать тяжелое материальное положение трудящихся, в особенности в колониальных и зависимых странах, оклеветать нашу страну и страны социалистического лагеря. Между тем, полная научная несостоятельность этой и подобных ей «теорий» вполне очевидны.

Наивно думать, что отчаянные попытки человека «выкарабкаться» из нужды и лишений способствуют развитию его личности, как это пытаются доказать буржуазные «теоретики». Безработный, с безнадежной настойчивостью обследующий урны в поисках съедобных отбросов, вряд ли тем самым формирует в себе лучшие качества личности. Его активность, порожденная отчаянной борьбой за жизнь, полезна ему не более, чем белке ее бешеный бег в колесе.

Но дело не только в этом. Удовлетворение потребности отнюдь не ведет к ее исчезновению, угасанию, как пытаются доказать творцы теории фрустрации, а, наоборот, приводит к возникновению все новых и новых потребностей.

Не отсутствие возможности удовлетворить потребности, но прежде всего сам процесс их удовлетворения является мощным стимулом развития личности. Именно такие возможности и предоставляет человеку социалистическое общество, важнейшей заботой которого является удовлетворение постоянно растущих материальных и духовных потребностей советских людей. Так, удовлетворив свою потребность в приобретении первоначальных элементарных знаний, человек уже на новой ступени умственного развития испытывает потребность в дальнейшем совершенствовании в науках, в приобретении более глубоких знаний.

Итак, в процессе своего удовлетворения потребности развиваются, перестраиваются и изменяются. У нас они иные, чем были у наших предков, у наших потомков они будут иными по сравнению с нашими.

Но следует ли отсюда, что человек, получивший возможность легко удовлетворить все возникающие у него потребности, тем самым автоматически вырабатывает в себе высокие качества личности, обязательно будет совершать незаурядные поступки, станет человеком во многих отношениях замечательным? Отнюдь нет. Полное удовлетворение потребностей есть одно из важнейших условий всестороннего развития личности человека, но оно не является единственным. Более того, при отсутствии других формирующих условий возможность легко удовлетворять свои потребности часто ведет к деградации человеческой личности.

Материальные и духовные потребности советского человека удовлетворяются и растут в процессе творческого созидательного труда, в ходе непрерывного развития общественного

производства, предпосылкой и результатом которого они являются. Иначе говоря, нормальный рост потребностей определяется и регулируется общественным трудом. Развитие же потребностей на нетрудовой, иждивенческой почве становится уродливым социальным и психологическим явлением, причиной искривления и ненормального развития личности.

Подполковник Р. в письме в редакцию «Учительской газеты» рассказывал, что как-то в поезде он встретил одного инженера, который ехал в отпуск со своей женой и сыном лет 5—6. Когда остановился поезд, отец в станционном буфете купил два пирожных. Гога (так звали мальчика) одно пирожное съел, а от второго отказался. Не тут-то было! Мать применила свою «педагогику»: «Кушай, Готюнчик, а то папа скушает!». И как Готе ни было тяжело, но он, чтобы не дать отцу съесть пирожное, съел его сам. Что, кроме эгоизма и жадности, может выработать у ребенка такое воспитание, спрашивал Р.

Вопрос поставлен правильно. Есть родители, которые, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, удовлетворяют с раннего детства все потребности ребенка. При этом они нисколько не задумываются над вопросом о воспитании и регламентировании их.

Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко писал: «Глубочайший смысл воспитательной работы и в особенности работы семейного коллектива заключается в отборе и воспитании человеческих потребностей, в приведении их к той нравственной высоте, которая возможна только в бесклассовом обществе и которая только и может побуждать человека к борьбе за дальнейшее совершенствование».

Потребности советского человека должны быть потребностями коллективиста. В трудах А. С. Макаренко намечаются пути воспитания в семье таких потребителей. Семья является не только орудием воспитания, но и определенной хозяйственной единицей. Советское семейное хозяйство — это обязательно сумма трудовых заработков. И Макаренко предлагает как можно скорее ознакомить ребенка с семейным бюджетом. Ребенок должен знать заработок отца, знать, в чем нуждаются отец и мать, насколько эта нужда велика и неотложна. Его надо научить отказываться от удовлетворения некоторых своих запросов, чтобы лучше удовлетворить нужды других членов семьи. В особенности, подчеркивает А. С. Макаренко, следует привлекать детей к обсуждению таких вопросов, которые касаются приобретения для семьи посуды, мебели, радио, книг, газет и т. п. Таким образом потребности коллектива становятся потребностями личности, а вместе с тем возникает и складывается забота о коллективе, внимание к нуждам окружающих, глоснут мелкие эгоистические чувства и страстишки.

Нужно воспитывать в детях заботу о родителях, воспитывать простое и естественное желание отказаться от собственного удовольствия, пока не будут удовлетворены потребности отца или матери.

Нет сомнения, что материальные условия, в которых живет и воспитывается ребенок, должны быть признаны определяющими по отношению к другим способам воздействия на его сознание (беседа, нравоучение, выговор, замечание и т. д.), хотя значение последних и очень велико.

Именно поэтому, прежде чем мы сформируем мировоззрение, убеждения, идеалы у нашей смены, мы должны серьезно задуматься над воспитанием ее потребностей. Воспитывая их, мы тем самым создаем устойчивые мотивы поведения человека. Только у человека, включенного в коллектив, трудящегося и воспитывающегося в коллективе, мы можем выработать потребности коллективиста. Именно в коллективе должны складываться нравственно ценные потребности советского человека и среди них важнейшая — стремление участвовать в общественно полезном труде.

Формируя потребность в труде, вырабатывая у человека привычку трудиться, мы тем самым закладываем основы его характера. В формировании нравственно оправданных потребностей и привычек, т. е. потребностей и привычек, соответствующих высоким принципам морального кодекса, — путь нравственного воспитания личности.

Такой нравственно оправданной потребностью был продиктован благородный поступок Валентины Гагановой, которая перешла работать в отстающую бригаду с целью поднять ее до уровня передовых. Нравственно оправданной потребностью вызывались героические подвиги славных сынов Родины на фронтах Великой Отечественной войны. Все это свидетельствует о том, что передовые советские люди ставят превыше личных эгоистических интересов интересы коллектива, к которому они принадлежат. Прав был А. С. Макаренко, говоря, что «потребность у нас есть родная сестра долга, обязанности, способностей, это проявление интересов не потребителя общественных благ, а деятеля социалистического общества, создателя этих благ».

В нашей стране придается огромное значение трудовому воспитанию, развитию сознательного, коммунистического отношения к труду. Труд создал человека, он явился важнейшим условием выделения человека из животного стада. И сейчас труд продолжает создавать и формировать человека. Все подлинно человеческое в людях формируется посредством их участия в общественно полезном труде и общении с другими людьми.

Вспоминается остроумная сказка, написанная одним из наших советских писателей. Здесь фигурируют традиционные

персонажи: мачеха, родная дочка, падчерица. Конечно, мачеха стремится погубить постылую падчерицу и осчастливить любимую дочку. И конечно, все это происходит при полном непростивлении отца, души не чающем в злодейке-мачехе. Однако сказка не течет по знакомому руслу. Мачеха обнаруживает незаурядные психологические знания. Она устраивает так, что на перинах нежится не ее родная дочка, а ненавистная падчерица. Она же, эта падчерица, сладко пьет, сладко ест, да на сводную сестрицу покрикивает. А та весь день в работе: и дома, и в поле, и в лесу. Коварный план приносит свои плоды. Прекрасный принц влюбляется в умную, работающую да скромную мачехину дочку и со смехом отворачивается от дурехи, бездельницы и сладкоежки падчерицы...

Мы добиваемся того, чтобы труд, как создатель всех материальных и культурных благ, превратился в первейшую жизненную потребность людей.

Одним из важнейших требований, которые предъявляет наша партия к воспитанию человека коммунистического общества, является требование воспитывать высшую человеческую потребность — потребность в труде.

Потребностей в чистом виде не существует. Они или осознаны нами: ясен их объект, пути и средства их удовлетворения, — тогда мы называем их *желаниями*; или они туманны, смутны, неопределенны, и тогда мы говорим о *влечениях*; они могут оборачиваться многообразными *интересами* и *склонностями*, принимать форму *вкусов* и *идеалов*. Имея те или иные *убеждения*, мы не только знаем, как надо поступать или что надо утверждать, но и испытываем острую потребность поступать в соответствии со своими взглядами и принципами. Итак, потребности составляют основу всех мотивов деятельности человека, всех форм его волевого поведения.

Советская семья и школа призваны готовить всесторонне развитых строителей коммунизма. Этой большой задаче подчинено все воспитание нашей молодежи. Развитие человека находится в прямой зависимости от тех условий, в которых осуществляется воспитание, от тех отношений, которые складываются между человеком и обществом. В условиях этого активного взаимодействия возникают, видоизменяются и шлифуются многогранные черты личности человека, к которым мы относим потребности и интересы, склонности и идеалы, принципы и убеждения. Эти черты являются мотивами деятельности, ближайшими причинами, которые объясняют поступки человека и весь строй его поведения, его волевою активность. Зная законы их формирования, мы получаем возможность определенным образом управлять поведением человека. Знать основу побуждений человека — это еще одна возможность направлять и регулировать поступки, а следовательно, влиять на становление его воли и характера.

Потребности, мотивы — это начало, истоки человеческой воли, но самое ее существо составляет действие, волевой поступок человека. Именно в нем проявляется сила и красота личности человека. Не по одним лишь высоким побуждениям судим мы о воле человека, а прежде всего по его поведению, направленному на преодоление трудностей, по тем усилиям, которые он при этом совершает.

Семнадцатилетним мальчиком Михаил Р. ушел добровольцем на фронт. В 1943 году он был уже старшим лейтенантом, кавалером нескольких орденов, командиром разведчиков. Под Харьковом его тяжело ранили. Осколок снаряда проник в позвоночный канал и тяжело сдавил спинной мозг. Врачи знали — он обречен на постоянные, невероятно мучительные, ничем не устранимые боли. Вскоре узнал об этом и сам Михаил. Кто-то из врачей, сочтя, что раненый в бессознательном состоянии, обронил слова, прозвучавшие страшнее, чем смертный приговор: «Больные с такими ранениями долго не живут — кончают самоубийством или сходят с ума». С этого момента вся жизнь молодого офицера изменилась. Он поставил перед собой цель: не только не оправдать мрачный прогноз, но и вернуться в строй. Первое, что он сделал, — отказался от морфия и пантопона. Он научился превозмогать боль. Вряд ли стоит описывать его переживания в эти тяжелые месяцы, ту внутреннюю борьбу, которую он выдержал. Нечто подобное замечательно показал Борис Полевой в «Повести о настоящем человеке». Воля, выдержка, никакого потакания слабостям, никаких скидок на болезнь — вот те лозунги, которые с этого времени стали определять все его поступки.

«Курение для вас безусловно вредно, но я не имею морального права при ваших болях лишать вас папирос», — сказал лечащий врач. Этого было достаточно. Михаил бросил курить. А когда он встал на ноги — что само по себе было чудом — и выписался из госпиталя, он предпринял все возможное, чтобы снова попасть на фронт. Ему удалось ввести в заблуждение одну комиссию, но следующая все-таки установила, что перед ней тяжелейший инвалид, и дорога в армию оказалась для него закрытой. Тогда он стал работать. С тех пор прошло двадцать лет. Боли, то нестерпимо сильные, то временно ослабевающие, не прекращались ни на минуту. Но очень немногие из окружающих знали, что этот стройный, худощавый, слегка прихрамывающий человек испытывает невероятные страдания. Человеческая воля одержала победу. Невольно вспоминаются слова Демокрита: «Мужество делает ничтожными удары судьбы».

Преодоление трудностей, характерное для волевого поступка, в той или иной мере сопровождается своеобразным психо-

логическим состоянием, которое называется волевым усилием. Среди бесчисленного множества поступков, совершаемых человеком, особо выделяются волевые поступки, связанные с преодолением трудностей и волевым усилием.

Отмерьте на полу один метр. Теперь попробуйте перешагнуть через это «препятствие». Никакого труда это не составит и никаких волевых усилий не потребует. Но в условиях альпинистского восхождения ледниковая трещина такой же ширины выступает уже как серьезнейшее препятствие и преодолевается не без усилий. В обоих случаях движение, казалось бы, сходное — надо лишь широко шагнуть. В чем же трудность и где усилие? Трудность в том, что в горах этому шагу предшествует «борьба мотивов» — чувство самосохранения борется со стремлением оказать помощь товарищу, желанием выполнить взятое на себя обязательство. Победит первое — и человек трусливо попятится от трещины, одержит верх второе — и препятствие будет преодолено, хотя, быть может, для этого понадобится значительное волевое усилие.

Волевое усилие входит необходимым элементом во все героические дела людей. Привычка совершать волевые усилия становится обязательным условием формирования стойкого характера. Летопись Отечественной войны содержит бесчисленное множество подвигов наших героев, каждый из которых может быть образцом волевого поступка.

...Голубой московский троллейбус бежит по неширокой Метростроевской улице. Водитель объявляет: следующая остановка — улица Дмитриевского. Еще недавно эта улица называлась по-другому, и пассажирам ничего не говорит новое название... Двадцать два года назад из ворот одного из домов этой улицы вышел широкоплечий паренек с вещевым мешком за плечами. Ранним августовским утром окончилась школьная жизнь моего лучшего друга Бориса Дмитриевского — под ноги ему легли фронтовые дороги. Прошло четыре года. Война кончалась, воинская часть, где служил прославленный танкист, кавалер орденов Александра Невского, Красного Знамени и Отечественной войны I степени, коммунист Борис Николаевич Дмитриевский, громила врагов на их собственной территории. Борис писал из Германии в свойственной ему шутиливой манере: «Скоро встретимся, вот только пусть моя «тридцатьчетверка» проедется по Фридрихштрассе».

10 марта 1945 года шел бой за маленький прусский городок Лауенбург. Случилось так, что жизнь командира части оказалась в смертельной опасности: его машина попала под огонь противника и гибель генерала казалась неминуемой. И вот тогда гвардии старший лейтенант Дмитриевский совершил свой последний подвиг, он закрыл своим танком машину командира... Борису Дмитриевскому посмертно присвоили звание Героя Советского Союза.

Немало подобных героических дел заслуживают того, чтобы о них рассказывали. Однако такие рассказы — а их каждый знает множество — могут иногда привести к выводу о том, что воля формируется при исключительных обстоятельствах, в обстановке подвига, не иначе. От школьников слышится жалобы, что сейчас нет таких героических дел, в которых могла бы закалиться их воля и характер, что они поздно родились на свет и на их долю не досталось ни революционной, ни военной романтики. Впрочем, мальчишки тридцатых годов, легендарные герои Отечественной войны, тоже вздыхали о том, что не довелось им брать Зимний, мчаться на чапаевских тачанках, прощаться с другом у бронепоезда на обледенелых вокзалах гражданской войны. Сожаления, в общем, понятные, но напрасные.

В нашей жизни всегда есть место подвигам. Плечом к плечу с Героями Советского Союза стоят Герои Социалистического Труда. «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд, и пушку, и топор».

Комсомольцы тридцатых годов построили город на Амуре, комсомольцы пятидесятых годов подняли целинные земли. Изменились, увеличились лишь масштабы подвига — сущность его осталась неизменной.

Вторая же и, пожалуй, главная ошибка заключается в том, что некоторые молодые люди, озабоченные самовоспитанием воли, склонны принимать результат формирования волевых качеств за их предпосылку. В героических делах воля не столько формируется, сколько проявляется. Лучшие люди нашей страны, обладающие несгибаемой волей, постоянно приучали себя совершать волевые поступки в повседневной жизни и поэтому оказались в состоянии совершить исключительные подвиги в боевой и трудовой деятельности. Герой Советского Союза партизанка Зоя Космодемьянская, молодоговгвардеец Олег Кошевой, летчик Виктор Талалихин, танкист Борис Дмитриевский и многие другие были до войны обыкновенными школьниками и их волевые качества сложились в будничных условиях учебы, игр, дружбы, пионерских костров и походов.

Систематически преодолевая трудности, сначала небольшие, а со временем и значительные, человек тренирует и закаляет свою волю. Алексей Маресьев как-то в беседе со школьниками сказал: «Иногда меня просят: расскажите, как вы ползли с отмороженными ногами и как это у вас хватило упорства снова сесть за руль самолета. А меня так и подмывает сказать в ответ: а не лучше ли я расскажу вам о суффиксах? Да, да, о суффиксах, над которыми я бился до одурения. Когда после войны я начал учиться в академии, обнаружилось, что я основательно забыл кое-что из того, что проходил в школе. Особенно плохо обстояло дело с грамматикой. И немало

пота я пролил, прежде чем одолел ее! Конечно, это вещи разные — сидеть над учебником и вести в бой самолет, но иной раз уж очень похожи качества, которые требуются для того, чтобы хорошо делать эти не похожие друг на друга дела». Вот эти-то качества и следует воспитывать в повседневном будничном труде и учебе, и они, окрепнув и развившись, помогут преодолеть трудности в любых обстоятельствах, в том числе и чрезвычайных. Начинать самовоспитание воли следует с приобретения привычки преодолевать сравнительно небольшие трудности. Систематически преодолевая трудности, сначала небольшие, а со временем значительные, человек тренирует и закаляет свою волю. Каждое препятствие им рассматривается как «невзятая крепость» и делается все возможное, чтобы преодолеть его, «взять» эту крепость.

При этом нет никакой необходимости придумывать, изобретать или искусственно создавать эти препятствия и трудности. В психологической литературе приводятся те наивные и надуманные приемы, к которым прибегают иногда молодые люди с целью самовоспитания воли. Один «для развития выдержки» оставлял книгу на самом интересном месте, другой с той же целью старался не смеяться во время кинокомедии, третий наелся селедки и не пил целый день. Впрочем бывают и более «жестокие» испытания — через руку пропускают электрический ток, берутся за горячие предметы, путешествуют по карнизу и т. д.

Все эти приемы и способы «воспитания характера и воли» не имеют ничего общего с процессом подлинной волевой закалки человека. Более того, они скорее могут принести вред. И не тем, что иной «храбрец» может свалиться со второго этажа и сломать ногу, а тем, что подобные действия представляют собой безнадежную попытку закалить и развить волю «с наскоку», сразу, и совершивший этакий «подвиг» человек успокаивается и «почивает на лаврах», воображая, что отныне ему не страшны никакие трудности и опасности. Между тем никаких оснований для самоуспокоения у него нет. То, что он совершил, есть лишь линия наименьшего сопротивления в воспитании воли, и гораздо труднее — а для жизни и борьбы важнее — уметь справляться с настоящими, а не вымышленными и искусственно созданными трудностями.

Поэтому правильнее поступают те, кто избирает другой путь воспитания воли. Интересна в этой связи следующая запись в дневнике учащегося седьмого класса: «Владеть собой надо и в трудные минуты делать все самому, а то никогда ничего из тебя не выйдет».

Другой школьник, всерьез занявшийся самовоспитанием воли, замечает: «Первым моментом умения сдерживать себя считаю усвоение слова «нельзя». Стал говорить это слово себе, не оставляя никаких лазеек и обходов своему запреще-

нию». Эти ребята стоят на верном пути. Только таким образом можно закалить свою волю, лишь так можно обрести власть над собой, над своими действиями и поступками.

Каждый день, каждый час нашей жизни представляет нам неограниченные возможности для воспитания воли. Буквально с того момента, когда человек просыпается, он сталкивается с обстоятельствами, которые могут либо способствовать закалке воли, либо ее «размагничиванию». А. С. Макаренко по этому поводу говорил, что привычка к точному часу — это привычка к точному требованию к себе, а точный час оставления постели — это «важнейшая тренировка воли, это спасение от изнеженности».

Утренняя зарядка, приготовление уроков, сам урок, занятия спортом, комсомольское собрание, спор с товарищем, работа в школьной мастерской — все это может и должно рассматриваться как арена тренировки волевых качеств личности, где молодого человека каждый день ожидает все больше побед и все меньше поражений. Говоря о характере и силе воли, Н. К. Крупская вспоминала о том, как складывался характер В. И. Ленина: «Часто нужно иметь много воли, много выдержки, чтобы выполнять то, что постановлено. Но если у человека нет воли, его легко сбить с пути. Вот Ле́нич был человек большой воли. Он рассказывал, как в школьные годы постоянно приходилось брать себя в руки. Он очень хорошо учился, но это нелегко давалось. Например, Ильич очень любил кататься на коньках, но увидел он, что мешает это учебе, бросил. Он очень любил читать. Но и тут брал себя в руки. Лежит интересная книга, но не возьмется за нее, пока уроков не приготовит. И выработал у себя Ленин твердую силу воли. На его слово можно было положиться»¹. В этом простом рассказе подруги великого вождя трудящихся содержится по существу программа самовоспитания воли для каждого молодого человека. Тому, кто хочет стать волевым человеком, необходимы дисциплинированность и выдержка всегда и во всем, и в большом и в малом.

Воспитание воли не должно быть самоцелью. Человек всегда должен отдавать себе отчет, для чего он стремится воспитать у себя волю и характер. Я когда-то читал рассказ об одном бедном французском чиновнике, который мечтал чуть ли не всю жизнь о поездке в Рим. Для того чтобы осуществить свою мечту, он терпел невероятную нужду, отказывал себе решительно во всем. Наконец, он скопил необходимую сумму и отправился в долгожданное путешествие. Уже подъезжая к цели своего пути, он, разговорившись с попутчиками, рассказал им о своей жизни, похвастался своими исклю-

---

¹ Н. К. Крупская. Письма пионерам. «Молодая гвардия», 1938, стр. 10.

чительными качествами и, прежде всего, своей сильной волей. «Хотите я вам сейчас же, здесь же докажу, что у меня необыкновенная воля?» — спросил он, войдя в азарт. И так как спутники промолчали, он разорвал свой билет, вышел на ближайшей станции, взял обратный билет и вернулся в Париж. И снова потянулись его безрадостные будни...

Что можно сказать о воле этого человека? Быть может, она у него и сильная, но ни он сам, ни его волевые качества не вызывают у нас уважения. Это какая-то неразумная, глупая, бессмысленная воля. Все это показывает, что характеристику волевого поступка или качества надо давать с учетом его внутреннего содержания, с пониманием того, на что направлена воля человека.

А. С. Макаренко совершенно правильно указывал, что «нельзя приступить к воспитанию воли, если предварительно не разрешить вопрос, чем советская воля отличается от воли в буржуазном обществе, где она необходима человеку для подавления другого человека, где целеустремленность направлена к лучшему куску общественного пирога». Зарубежная литература открывает перед нами галерею образов волевых людей — от Вотрена и Растиньяка у Бальзака до Каупервуда у Драйзера, но их воля имеет оборотной стороной внутреннюю опустошенность, цинизм и жестокость. Преодоление трудностей и борьба, которой заполнена жизнь этих людей, несмотря на их титанические усилия, органически не может дать им удовлетворения и счастья. И борьба их — борьба одного человека с другими людьми, со всем обществом в целом за свое личное счастье, узкое и непрочное благополучие.

В буржуазном обществе счастье одних людей неизбежно зиждется на несчастье других.

В социалистическом обществе волевые качества личности человека (мужество, настойчивость, решительность и другие) формируются в иных условиях и приобретают иной смысл и значение. И дело не в том, что у советских людей все эти качества получают более интенсивное развитие. Нельзя сказать, например, что тот же Каупервуд лишен мужества, настойчивости, решительности. «Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке, — говорит А. С. Макаренко, — это сила и красота. И то и другое определяется в человеке исключительно по типу его отношения к перспективе». Другими словами, сила и красота человеческой личности зависит от того, какие потребности преобладают у человека, какие цели он перед собой ставит.

Воля это власть над собой, над своим поведением, это уверенность в своем будущем, в своих силах, в своих возможностях. Если человек, обладающий сильной волей, ответственно и точно взвесив все обстоятельства, принимает разумное решение и намечает цель, то нет такой силы, которая помешает

шала бы ему достичь этой цели. «Сильные переплывают море жизни, а слабые в нем купаются», — с этой поговоркой трудно не согласиться.

О ТЕМПЕРАМЕНТЕ

То, что люди не похожи друг на друга не только внешне, но и внутренне, подмечено было еще в античную эпоху. Тогда же возникли первые попытки объяснить происхождение этих различий.

Более всего бросалось в глаза то, что люди по-разному чувствуют — радуются или переживают: одни бурно, другие поверхностно, у одних чувства возникают легко и быстро, а для того, чтобы взволновать других, необходимо время и чрезвычайные события; заметны были различия в общем темпе движений, в устойчивости и изменчивости настроений. Все эти индивидуальные особенности получили название темперамента.

Темпераменты в точно очерченном виде встречаются довольно редко (чаще черты темперамента бывают несколько стерты), однако можно выразить уверенность, что среди знакомых и друзей любого читателя этой брошюры наверняка могут быть опознаны и сангвиники, и флегматики, и меланхолики, и холерики.

Еще реже приходится одновременно видеть людей, которые бы олицетворяли все четыре типа темперамента. А это было бы очень заманчиво — посмотреть, как одни и те же жизненные обстоятельства заставляют уж очень по-разному реагировать людей разных темпераментов. Быть может, одна из причин прочного успеха у многих поколений читателей романов А. Дюма «Три мушкетера», «Десять лет спустя» и «Двадцать лет спустя» заключается в том, что там в исключительно острых ситуациях действуют и каждый в соответствии с присущим ему темпераментом: сангвиник Д'Артаньян, холерик Арамис, флегматик Портос и меланхолик Атос.

Природные свойства темперамента не мешают четырем славным мушкетерам совершать чудеса храбрости. Это не противоречит психологической характеристике темпераментов. Дело в том, что каждый темперамент накладывает свой отпечаток на поведение человека, придает ему специфику и своеобразие, но сам по себе не определяет ни целей деятельности, ни ее внутреннего содержания. Можно быть мужественным, талантливым, во всех отношениях незаурядным человеком, принадлежа к любому типу темперамента. Трудно согласиться со Стендалем, который, как и некоторые другие писатели, склонен был преувеличивать роль темперамента в общей характеристике личности человека, говоря о холериках, что «это темперамент великих людей», о флегматиках —

«посредственность, избавленная от печалей», или что «большинство людей, прославившихся своими писаниями, обладают меланхолическим темпераментом».

У ребенка в семье, как и в школе, проявляются черты темперамента, своеобразно окрашивая его поведение. Для успеха воспитательной работы далеко не безразличен учет этой стороны человеческой индивидуальности.

Приглядитесь к поведению двух школьников, заметно различающихся в эмоциональной реакции на только что полученную оценку. Один повесил голову, разглядывая диктант, испещренный красным карандашом, тяжело вздохнул, что-то пошептал, обиженно надув губы, — и все. Через пять минут он весело смеется и уже забыл думать о недавних неприятностях. Все это очень типично для сангвиника. И в работе с ним далеко не последняя задача — выработка усидчивости, ответственности и понимания того, что опрометчивость и поверхностные переживания — недостаток, с которым надо бороться. Получил неудовлетворительную оценку меланхолик, и эта двойка открывает собой целую серию тяжелых переживаний, мыслей о несправедливости, о своей неудачливости, воспоминаний о других неприятностях, которые когда-то выпадали на его долю, подавленность и т. п.

Резкое требование, иногда допустимое в отношении сангвиника и тем более флегматика, вызывает взрыв негодования у холерика и состояние угнетенности у меланхолика. Следовательно, выбор характера воздействия на ребенка во многом зависит от учета особенностей темперамента. Вместе с тем недопустимо отношение к особенностям темперамента, как к чему-то фатальному. Нелегко, но возможно меланхолику преодолеть такие отрицательные качества своего темперамента, как застенчивость, робость, замкнутость, развивая у себя ценные качества: чуткость, мягкость, деликатность. Велика при этом роль коллектива, в котором живет и воспитывается человек. Передо мной прошел отрезок жизненного пути одной девочки, ученицы московской школы. Ярko выраженный темперамент меланхолика причинял ей немало огорчений. Но на протяжении ряда лет школьный коллектив работал с ней, вовлекал в активную общественную деятельность, поручал ответственные выступления; избрали ее членом комитета комсомола школы. И девочка постепенно научилась лучше владеть собой, своими чувствами, привыкла не бояться трудностей. Ей удалось преодолеть замкнутость и робость.

По сравнению с другими чертами личности человека, и в особенности чертами характера, особенности темперамента являются весьма устойчивыми. Однако на протяжении жизни темперамент претерпевает существенные изменения. Тем более изменчив характер человека.

В переводе с греческого характер — это «чеканка», «примета». Это очень тонко и верно замечено. Действительно, характер — это особые приметы, которые приобретает человек, живя в обществе. Общество путем воспитания чеканит человеческие индивидуальности. Этот процесс чеканки индивидуальных особенностей начинается очень рано — в младенчестве. В сознательную жизнь человек выходит с системой сложившихся черт характера. Этот процесс протекает неприметно, и человеку кажется, что таким, как сейчас, он был всегда. Так возникает мнение, что черты человеческого характера даны ему «от природы», являются «врожденными». Заблуждение это является весьма распространенным. Сколько раз приходится слышать: «он от природы трус и негодяй», или «склонность ко лжи — его врожденное свойство», или даже «наследственность у него такая — в дядю пошел».

Попробуйте поспорить с этим: в одной семье, в одних как будто условиях живут и воспитываются два брата, и разница между ними всего два-три года, и в одной школе учатся, и родители к ним в общем одинаково относятся, а ребята во всем разные, характером ничуть друг на друга не похожи. Отсюда уж недалеко до вывода, что характер дан человеку от рождения.

Чем же в самом деле объяснить, что жизнь чеканит личность человека даже в сходных условиях по различным образцам?

Прежде всего надо признать, что исходный материал, так сказать, заготовка того, что подлежит в дальнейшем чеканке, действительно, у разных людей неодинакова.

Человек рождается с различными задатками, т. е. различными особенностями функционирования головного мозга. Эти особенности не психологические, а анатомо-физиологические, но они-то выступают в качестве первых причин того, что одни и те же воздействия на детей могут вызывать различный психологический эффект.

Различия в задатках лишь первая причина различий характеров людей. Надо иметь в виду и то, что «сходные условия жизни» (даже в одной семье) это понятие весьма и весьма относительное. Один тот факт, что старший брат привык считать себя старшим и в чем-то превосходящим брата, который смотрит на него снизу вверх и ищет у него защиты или бунтует против деспотизма первенца, создает далеко не сходные обстоятельства, способствующие или препятствующие формированию таких черт характера, как заносчивость или заботливость, ответственность или безразличие, самоотверженность или зависть. А сколько других условий, которые никак не назовешь сходными: и изменение материального

положения в семье за два-три года, прошедшие между рождением первого и второго ребенка (частенько «младшенького» больше балуют), и изменения в отношениях внутри семьи, и хорошие друзья, встретившиеся на пути одного брата и не встретившиеся другому, и разные учителя — все это способствует зарождению различных качеств и особенностей личности. Когда для космического корабля прокладывают на карте звездного неба трассу, досгаточно ничтожного отклонения в определении исходных данных (направления, начальной скорости и т. п.), чтобы эта незначительная ошибка привела к роковым последствиям — корабль залетит совсем не туда, куда он был направлен. Так и с человеком. Где-то в детстве допустили сравнительно несущественную ошибку в воспитании («Что он маленький понимает? Пусть его!»), а на крутой орбите жизни уже у взрослого человека появляются черты характера, которые заводят его в тупик, мешают ему и его близким жить. И уже кто-то из знакомых пожимает плечами: «Уж таким он уродился!».

Нет! Характер это результат воспитания. В характере аккумулируются привычки человека. Характер проявляется в деятельности людей, но в ней же он и формируется. Если юноша или девушка стремятся воспитать у себя самокритичность как черту характера, они должны поступать самокритично. А это значит, что они должны непримиримо относиться не только к чужим, но и к своим ошибкам, не «замазывать» их, не закрывать на них глаза.

Быт, условия жизни в семье, не говоря уже о труде и учебе, — школа человеческих характеров. Перед родителями постоянно стоит нелегкая и ответственная задача: своевременно подмечать наметившиеся изменения в характере своих детей и, принимая их во внимание, осуществлять свою линию поведения и воспитания. Вероятно, нет большей опасности для успеха воспитательной работы, чем шаблон, применяемый в качестве педагогического приема. Это в особенности нетерпимо в тех случаях, когда следует осуществлять индивидуальный подход к ребенку.

...В семье инженера З. второй ребенок, мальчик, появился, когда его сестре было 12 лет. Девочка воспитывалась в безусловном подчинении родителям и никогда не делала попытки в чем-то им противостоять и противоречить. Впрочем в этом, казалось, и не было причины — требования родителей были вполне разумны. Однако форма, в которой они предъявлялись, отличалась жесткостью, сухостью, нетерпимостью к малейшим возражениям. Тот же тон родители взяли и в воспитании сына. Однако очень скоро выяснилось, что то, что вызывало покорность у дочки, у сына встречало молчаливое, но упорное сопротивление. Трудно сказать, когда это началось, — сами родители связывают это с периодом, когда

мальчик гостил у бабушки, — но только еще в первых классах школы завязалась эта тяжелая и изнуряющая обе стороны борьба. Мальчик стал замкнутым, резким, подозрительным. В шестом классе он первый раз убежал из дома. В восьмом — второй раз, и на этот раз он больше в семью не вернулся. Я разговаривал с родителями. Они только разводят руками. «Вот перед вами его сестра, спросите ее. Разве мы ее по-другому воспитывали? Точно так же, а какой человек получился. Внуков уже нянчим. А он — так нас опозорил!» В их тоне, позе, словах — недоумение, горечь, обида.

«Точно так же воспитывали!» Это превосходно с точки зрения того, какие цели ставили в воспитании, каково было его содержание. В этом отношении З. были на высоте. Но бездумное перенесение приемов воспитания, которые чем-то отвечали особенностям характера дочери, на воспитание сына, у которого характер был совсем другим, закономерно вело к срыву, к подлинной катастрофе. Быть может, если бы родители задумались над тем, что представляет собой характер их мальчика, и попытались подобрать к нему ключи, не было бы этой семейной драмы. «Он имел то же самое, что имела сестра», — говорят родители. Вероятно они возмутились бы, если бы кто-нибудь им посоветовал покупать детям ботинки одного и того же номера, только потому, что это брат и сестра... Одни и те же педагогические воздействия могут вести к противоположным результатам, если они применяются к людям с различными индивидуальными особенностями. Это аксиома педагогической техники.

Отказ от шаблона в воспитании личности ребенка предполагает творческий подход к вопросам формирования характера. Пусть на этом пути будут допущены ошибки, но серьезное, вдумчивое, нетрафаретное решение будет плодотворнее «педагогического штампа», если судить не по результатам отдельных действий, а по конечному итогу процесса формирования характера. Мне вспоминается еще один спорный случай. Судите сами, права ли была мать, применив такое сильнодействующее средство. Не помню, чем ее дочка, девочка лет 11—12 провинилась. Но суть ее проступка была в том, что она, раскапризничавшись, лишила мать какой-то большой радости. Никакие упреки и слезы матери не подействовали на маленькую упрямицу. Она оставалась холодна. На слова матери: «Если бы я с тобой так поступила, каково было бы тебе?» — она только пожала плечами... Прошло около месяца. Как-то возвратившись с работы, мать с торжеством показала дочке два билета в кино на выходной день и причем на фильм, билеты на который достать было почти невозможно. Девочка была очень рада и насилу дождалась воскресенья. У кинотеатра их встретила толпа жаждущих лишнего билетика. И вот тогда потрясенная девочка услышала слова

матери: «У меня есть два билета». Ъмг билеты исчезли в кармане какого-то гражданина. Девочка разрыдалась. Домой шли молча, и трудно сказать, кто был больше расстроен — мать или дочь. Не разговаривали. И только ночью, когда мать легла спать, она вдруг услышала прерывистый шепот девочки: «Мамочка... я все поняла... я так перед тобой виновата!»

Возможно, что этот эксперимент и назовут рискованным. Было бы ошибкой превратить его в трафарет, но кто станет отрицать, что такой или какой-либо подобный педагогический взрыв имеет свое психологическое обоснование.

Характер не дан человеку от природы. Нет характера, которого нельзя было бы изменить и переделать. Ссылки на то, что «у меня такой характер и я с собой ничего не могу поделать», психологически совершенно несостоятельны. Каждый человек ответственен за все проявления своего характера, и каждый человек в состоянии заняться самовоспитанием.

То, что это возможно, показывает, например, громадный опыт замечательного педагога А. С. Макаренко, который в связи с поднятым вопросом говорил: «...наш путь единственный — упражнение в поведении». Коллектив, им руководимый, являлся, по его собственным словам, великолепным «гимнастическим залом для этой гимнастики». В колонию приходили бродяги, уголовники, убежденные лодыри, а выходили хорошие рабочие, студенты, красноармейцы. Значит ли это, что их характеры были «пострижены», что называется, «под одну гребенку». Конечно, нет. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с десятками характеристик, написанных А. С. Макаренко на своих выпускников. Вот некоторые из них:

«32. Козырь. В коммуне с самого начала. При средних способностях был одним из самых страстных людей, преданных коммуне и участвующих в работе с полной преданностью. В характере еще и теперь много остатков беспризорности: грубоватость, недоверчивость. Один из лучших производственников. Человек с воображением, поэтому давно мечтает о карьере моряка, чтобы много видеть, много ездить...

36. Черный. Большие способности, культурен, абсолютно честен, не осталось никаких следов беспризорности. С внешней стороны очень нескладен и некрасив, тип интересный: способен к большим напряжениям и в глубине очень живая и цельная натура. Интересуется разведочной работой, мечтает исколесить весь Союз.

43. Семенцов. В коммуне считался коммунаром с склонностью к хулиганству, лентяем. В школе учился хорошо. Советом командиров был снят с производства и назначен в хозяйственную часть. Здесь показал себя прекрасным работником и совершенно выправил свой характер. Сейчас общий любимец коммунаров. Честен, вежлив, культурен и по натуре

очень добр. Переходит на работу агента снабжения. Энергичен, напорист и любит всякое дело кончать»¹.

Характер человека удивительно многогранен. В нем можно выделить различные стороны и отдельные, связанные воедино черты.

Мы живем в эпоху, которая настоятельно требует от советских людей совершенно особых качеств характера. Она созидает эти качества, лепит их по лучшим образцам, которыми опять-таки являются советские люди. Наши юноши и девушки имеют сейчас перед глазами замечательный пример славных космонавтов — Юрия Гагарина, Германа Титова, Андрияна Николаева и Павла Поповича. Можно без всяких сомнений утверждать, что летчики-космонавты являются в наше время образцом подражания для сотен тысяч пионеров и комсомольцев. Герои космоса это люди, которые менее всего являются стандартизированными суперменами, каких любят изображать американское телевидение и комиксы. Поистине ничто человеческое не нужно им — юмор, дружба, любовь, стремление к знаниям. Они глубоко, неповторимо индивидуальны, у них различный внешний облик и, конечно же, различный темперамент и характер, разные вкусы, далеко не одинаковые интересы. Тем, кто наблюдал, например, за Андрияном Николаевым, была заметна его неторопливость, выдержка, поразительное хладнокровие в минуты, требующие наибольшей собранности. Это его индивидуальная черта. Вот что рассказывал Герман Титов о нем, своем дублере: «...Во время тренировочного полета он совершил вынужденную посадку на реактивном истребителе. Как говорят летчики, сел на живот. Остался жив и невредим. И машину спас.

Редкий случай...

— Как тебе удалось? — спрашивали его друзья, узнав об этом. — Что же тебе помогло?

— Прежде всего, спокойствие, — ответил он просто.

— Темнит, — решили мы, но когда наступили дни экзаменов, в отряде убедились — наш друг и не думал манерничать или рисоваться.

— Что вы будете делать, если в космическом полете откажет вот эта система корабля? — спросил его экзаменатор, показывая на схеме особенно ответственный агрегат.

— Прежде всего — спокойствие...

Кто-то из нас даже фыркнул.

Экзаменатор, казалось, был озадачен и готов был возмутиться, как тут же последовал точный и быстрый ответ...

Но как бы ни бросалась в глаза неповторимость, своеобразие личности каждого из космонавтов, есть нечто такое, что

---

¹ Макаренко. А. С. Соч., т. 2. М., 1957, стр. 440—442.

составляет как бы стержень их характера, монолитную основу их личности и что является общим, сходным у всех четверых. Очевидно, об этих качествах и говорят: русский характер, советский характер. Это о нем хорошо сказал А. Н. Толстой: «Русский характер! Поди-ка опиши его... Рассказываешь ли о героических подвигах? Но их столько, что растеряешься, — который предпочесть».

Вот этот чудесный сплав мужества, самоотверженности, решительности, удивительной скромности в равной мере свойственен всем нашим героям, составляя стержень их характерологических черт.

Сравнивая себя с космонавтами, подражая им, молодые люди должны отчетливо понимать, что уже сейчас в повседневной жизни они не имеют права на благодушное отношение к любым недостаткам в своем характере.

*   *

*

Многие величайшие произведения литературы раскрывают сложный процесс формирования человеческой личности, прослеживают, как из поступков складывается линия поведения человека и как постепенно формируются черты психологического облика, образуя многогранный характер. Наблюдательный человек и в жизни, в окружающих его людях увидит тот же процесс созидания характера. Только для того, чтобы его увидеть, надо действительно быть наблюдательным человеком. Больше чем от кого-либо другого это требуется от воспитателей, какими являются учителя и родители. Пусть детские характеры станут для них открытой книгой. Они должны уметь не только читать эту увлекательную книгу, но в соавторстве с ее героем заполнять еще пустующие страницы.

6 коп.

70074